

Серия «Современное богословие»

В серию входят книги по современному богословию (основное, литургическое, нравственное богословие и другие его разделы), принадлежащие перу выдающихся современных авторов основных христианских конфессий

BENEDETTO XVI

I PADRI
DELLA CHIESA

DA CLEMENTE ROMANO
A SANT'AGOSTINO

LIBRERIA EDITRICE VATICANA

БЕНЕДИКТ XVI

ОТЦЫ
ЦЕРКВИ

ОТ КЛИМЕНТА РИМСКОГО
ДО СВЯТОГО АВГУСТИНА

ИЗДАТЕЛЬСТВО

МОСКВА

ББК 86.37
УДК 211.5
Т 46

Перевод: Ольга Хмелевская

Обложка: Антон Бизяев
Верстка: Олеся Купченко

Данный перевод книги папы Бенедикта XVI
I Padri della Chiesa. Da Clemente Romano a Sant'Agostino
публикуется с согласия издательства
Libreria Editrice Vaticana.

Бенедикт XVI

Отцы Церкви. От Климента Римского до святого Августина /
Пер. с ит. (Серия «Современное богословие»). — М.: Издательство
ББИ, 2012, — vi + 184 с.

Книга папы Бенедикта XVI представляет собой сборник текстов, с которыми он выступал публично по средам с марта 2007 по февраль 2008 года. В каждой из этих еженедельных встреч папа вводит нас в святая святых, в сердцевину самого благородного и поучительного, что есть в жизни и трудах двадцати шести отцов и учителей ранней Церкви. Не будучи академическими биографиями и занимая всего несколько страниц, публикуемые тексты служат поучительным и интересным введением в святоотеческое богословие.

ISBN 978-5-89647-277-3

*Все права защищены. Никакая часть данной книги не может
быть воспроизведена в какой бы то ни было форме, включая
размещение в сети интернет, без письменного
разрешения владельцев авторских прав.*

© Libreria Editrice Vaticana, 2008
© Библейско-богословский институт св. апостола Андрея, 2012
ул. Иерусалимская, д. 3, Москва, 109316
standrews@standrews.ru, www.standrews.ru

Содержание

Введение.....	1
ГЛАВА 1: Святой Климент Римский	5
ГЛАВА 2: Святой Игнатий Антиохийский.....	10
ГЛАВА 3: Святой Иустин, философ и мученик	15
ГЛАВА 4: Святой Ириней Лионский	19
ГЛАВА 5: Святой Климент Александрийский	24
ГЛАВА 6: Ориген Александрийский. <i>I. Жизнь и писания</i>	29
ГЛАВА 7: Ориген Александрийский. <i>II. Учение</i>	35
ГЛАВА 8: Тертулиан	40
ГЛАВА 9: Святой Киприан.....	45
ГЛАВА 10: Евсевий Кесарийский	50
ГЛАВА 11: Святой Афанасий Александрийский	55
ГЛАВА 12: Святой Кирилл Иерусалимский.....	60
ГЛАВА 13: Святой Василий. <i>I. Жизнь и писания</i>	65
ГЛАВА 14: Святой Василий. <i>II. Учение</i>	69
ГЛАВА 15: Святой Григорий Назианзин. <i>I. Жизнь и писания</i>	74
ГЛАВА 16: Святой Григорий Назианзин. <i>II. Учение</i>	78

ОТЦЫ ЦЕРКВИ

ГЛАВА 17:	
Святой Григорий Нисский. <i>I. Жизнь и писания</i>	82
ГЛАВА 18:	
Святой Григорий Нисский. <i>II. Учение</i>	87
ГЛАВА 19:	
Святой Иоанн Златоуст. <i>I. Антиохийские годы</i>	92
ГЛАВА 20:	
Святой Иоанн Златоуст. <i>II. Константинопольские годы</i>	97
ГЛАВА 21:	
Святой Кирилл Александрийский	102
ГЛАВА 22:	
Святой Иларий Пиктавийский	107
ГЛАВА 23:	
Святой Евсевий Верцельский	112
ГЛАВА 24:	
Святой Амвросий.....	117
ГЛАВА 25:	
Святой Максим Туринский	122
ГЛАВА 26:	
Святой Иероним. <i>I. Жизнь и писания</i>	127
ГЛАВА 27:	
Святой Иероним. <i>II. Учение</i>	132
ГЛАВА 28:	
Афраат, или Персидский Мудрец	138
ГЛАВА 29:	
Святой Ефрем Сирин.....	142
ГЛАВА 30:	
Святой Хроматий Аквилейский	147
ГЛАВА 31:	
Святой Павлин Ноланский.....	152
ГЛАВА 32:	
Святой Августин. <i>I. Жизнь</i>	157
ГЛАВА 33:	
Святой Августин. <i>II. Последние годы жизни</i>	163
ГЛАВА 34:	
Святой Августин. <i>III. Учение, вера и разум</i>	168
ГЛАВА 35:	
Святой Августин. <i>IV. Творения</i>	173
ГЛАВА 36:	
Святой Августин. <i>V. Три обращения</i>	179

Введение

Этот небольшой том вместил в себя катехизические беседы, которые, в продолжение предыдущей серии *Апостолы и первые ученики Христа: к истокам Церкви* (Libreria Editrice Vaticana, Città del Vaticano 2007), святейший отец Бенедикт XVI решил посвятить наиболее важным церковным писателям первых четырех веков христианства, от Климента Римского (ум. ок. 100 г.) до святого Августина (ум. в 430 г.).

Этих авторов обычно называют *отцами Церкви*.

Но кто же они такие, эти отцы Церкви?

Этого звания удостоились те церковные писатели первых веков, которые отличались святостью жизни, безукоризненной ортодоксией учения и которым этот почетный и значимый титул присвоила сама Церковь.

Поэтому те, кто скомпрометировал себя ересью, не удостоились титула отцов, а получили более общее определение *церковных писателей*.

Этот катехизический цикл включает также имена трех достойных и выдающихся авторов, которые не могут называться *отцами*, поскольку не получили в этом смысле формального признания со стороны Церкви.

Речь идет об Оригене, Тертуллиане и Евсевии Кесарийском.

В данном томе папа Бенедикт простым и живым языком представляет нам захватывающую галерею из двадцати шести портретов, каждый из которых посвящен одному из раннехристианских авторов.

Материал подается в хронологической последовательности — от апостольских отцов и апологетов до великих отцов, живших в эпоху между третьим веком и первыми десятилетиями четвертого, представителей как Западной, так и Восточных церквей, включая древнюю и досточтимую Сирийскую церковь.

В каждом из портретов можно проследить одну повторяющуюся схему (в некоторых случаях из практических соображений беседы были разделены на две или три части: так в случае с Оригеном, тремя Каппадокийскими отцами, Иоанном Златоустом и Иеронимом потребовались две катехизические беседы, а Августину — любимому автору Бенедикта XVI и объективно наиболее значимому писателю первых четырех веков христианства — было посвящено целых пять). Прежде всего речь идет о *человеке*, о конкретных обстоятельствах его жизни; затем — о нем как *писателе*: здесь особое внимание уделяется его литературной деятельности; и, наконец, о нем как *наставнике*, и тут особое значение имеет его богословское учение. Во всех этих случаях папа стремится к ненавязчивой *актуализации* святоотеческого свидетельства, а зачастую явным образом подчеркивает, что «эти отцы многому еще могут научить наших современников и сегодняшних христиан».

Настаивая на актуальности учения отцов, Бенедикт XVI имеет в виду прежде всего два аспекта.

Во-первых, проблематику *взаимоотношений между верой и разумом*.

Несмотря на некоторый радикализм, проявивший себя главным образом на периферии Церкви, отцы — от Иустина философа и мученика до святого Августина — со всей решимости

мостью придерживались принципа согласия между философским разумом и евангельской верой, стремясь к критическому и конструктивному диалогу с культурой и философией своей эпохи.

В этом процессе греческий *логос* был в некотором смысле «расширен» для того, чтобы выразить *Логос* христианской проповеди, вторую Ипостась Святой Троицы, Сына Божьего, воплотившегося в лоне Марии и единственного Спасителя мира.

По мысли Бенедикта XVI, концепция разума и сегодня нуждается в «расширении», чтобы мы могли исследовать и постигать те аспекты действительности, которые выходят за рамки чистой эмпирии. Именно это «расширение» призвано дать возможность более плодотворному и взаимодополняющему сближению между верой и разумом.

Второй из приоритетных аспектов *актуализации*, некоторым образом связанный с предыдущим, — это тема *молитвы в традиции Церкви* и необходимости личного контакта ученика с Учителем.

В своих катехизических беседах папа многократно обращает внимание на тот факт, что для отцов умозрение никогда не было самоценным, оно всегда вело к сокровенным и сущностным взаимоотношениям с Истиной — той, которая для нас, христиан, является не абстрактным концептом, а наиболее реальной Личностью, тем *Логосом*, Сыном Отчим, который сказал о себе «Я есмь Истина...» (Ин 14:6).

Эта личная близость с Ним становится основой миссии каждого христианина в Церкви и в служении братьям. Так, молитва и литургия оказываются неразрывно связанными с любовью к ближнему и являют собой плодотворный синтез.

Отсюда проистекает необходимость серьезного испытания совести для каждого, кто хочет попасть в «золотую цепь» свидетелей наряду с нашими отцами.

И сегодня перед лицом новых вызовов, бросаемых нигилистской и атеистической культурой, можно победить, лишь обладая чем-то «большим» — молитвой, близостью с Богом и его Словом.

Нам, христианам третьего тысячелетия, отцы передают Евангелие о спасении, которое формировало их сердца и вело их по жизни, чтобы вера, надежда и любовь преодолели сопротивление мира.

ГЛАВА 1

Святой Климент Римский

Дорогие братья и сестры!

На протяжении нескольких месяцев мы всматривались в образы отдельных апостолов и первых свидетелей христианской веры, о которых упоминают новозаветные тексты. Теперь же сосредоточим свое внимание на святых отцах первых веков христианства. Так мы сможем проследить начало пути Церкви в истории.

Святой Климент, бывший епископом Рима в последние годы первого века, — третий преемник Петра после Лина и Анаклета. Что касается его жизни, то наиболее важное свидетельство о ней оставил святой Ириней, бывший епископом Лиона до 202 года. Он сообщает, что Климент «видел апостолов», «обращался с ними» и «имел проповедь апостолов в ушах своих и предание их пред глазами своими» (*Против ересей*, 3.3.3). Более поздние свидетельства, относящиеся к IV–VI векам, приписывают Клименту титул мученика.

Авторитет и репутация этого римского епископа были столь велики, что ему приписали целый ряд творений, хотя единственной работой, несомненно вышедшей из-под его пера, было *Послание к Коринфянам*. Евсевий Кесарийский, великий «архивист» раннего христианства, представляет ее такими словами: «Имеется одно большое и удивительное письмо Климента, согласно признаваемое подлинным; оно написано от имени Римской церкви к церкви Коринфской... Мы знаем, что письмо это издавна читали народу во многих

церквах; читают и теперь» (*Церк.ист.* 3:16). Этому письму придавалось почти каноническое значение. В начале этого текста, написанного по-гречески, Климент сокрушается о том, что «внезапные и одно за другим случившиеся с нами несчастья и бедствия» (1:1) помешали ему вовремя вмешаться. Под этими «несчастьями» подразумеваются преследования христиан, учиненные Домицианом, поэтому дату составления послания следует отнести к периоду, наступившему непосредственно после кончины императора и прекращения преследований, т. е. после 96 г.

Обращение Климента было вызвано тяжелыми проблемами в Коринфской церкви: группа молодых бунтовщиков сместила пресвитеров общины. Эту тяжелую историю повторно вспоминает святой Ириней: «При этом Клименте, когда произошло немалое разномыслие между братьями в Коринфе, церковь римская написала к коринфянам весьма дельное послание, увещывая их к миру и восстанавливая их веру, и возвещая недавно принятое от апостолов предание» (*Против ересей* 3.3.3). Итак, мы можем сказать, что в этом послании впервые после смерти святого Петра был применен принцип примата римского епископа. Послание Климента поднимает темы, близкие святому Павлу, написавшему два пространных Послания к Коринфянам, и в частности, тему богословской диалектики между *индикативом* спасения и *императивом* морального делания. В первую очередь мы имеем дело с радостной вестью о спасающей благодати. Господь упреждает нас и дарует прощение, любовь, благодать быть христианами, его братьями и сестрами. Эта весть наполняет радость наши жизни и придает уверенности нашим поступкам: Господь всегда упреждает нас своей благодатью, а благодать Господня всегда сильнее, чем все наши грехи. Однако нам необходимо быть последовательными в использовании полученного дара, великодушно и отважно отвечать на весть о спасении обращением. По сравнению с моделью, используемой Павлом, новизна этого послания Климента состоит в том, что здесь

за доктринальной и практической главами, присутствовавшими также во всех Посланиях Павла, следует «великая молитва», фактически завершающая письмо.

Епископ Рима воспользовался представившейся возможностью, чтобы подробно представить свои мысли об идентичности и миссии Церкви. Если в Коринфе случились злоупотребления, рассуждает Климент, то причину следует искать в ослаблении любви и других кардинальных христианских добродетелей. Поэтому он призывает верных к смирению и братской любви — двум добродетелям, на которых зиждется Церковь: «будучи уделом Святого, будем делать все относящееся к святости» (30:1). В частности, римский епископ напоминает, что сам Господь «повелел, чтобы жертвы и священные действия совершались не случайно и не без порядка, но в определенные времена и часы. Также где и через кого должно быть это совершаемо, Сам Он определил высочайшим Своим изволением, чтобы все совершалось свято и богоугодно, и было приятно воле Его... Первосвященнику дано свое служение, священникам назначено свое дело, и на левитов возложены свои должности; мирской человек связан постановлениями для народа» (40:1–5; отметим, что в этом письме конца I века впервые в христианской литературе появляется греческий термин *laikos*, который означает «принадлежащий к *laos*», т. е. «народу Божьему»).

Таким образом, обращаясь к литургической традиции древнего Израиля, Климент раскрывает свой идеал Церкви. Ее созывает «один Дух благодати, излитый на нас», который дышит в разных членах Тела Христова, в котором все, объединившись и оставив всякие разделения, «друг другу члены» (46:6–7). Четкое различие между «мирянином» и иерархией никоим образом не означает противопоставления, оно всего лишь указывает на органическое устройство тела, единого организма с разнообразными функциями. Действительно, Церковь не место для смятения и анархии, где каждый в любой момент может делать то, что ему заблагорассудится: в этом организме каждый сочленен с другими

и исполняет свое служение согласно дарованному ему призванию. Что касается глав общины, Климент определенно развивает учение об апостольской преемственности. Нормы, регулирующие ее, исходят в конечном итоге от самого Бога. Отец послал Иисуса Христа, который, в свою очередь, послал апостолов. Те, в свою очередь, послали первых руководителей общин и определили, что за ними должны следовать другие достойные мужи. Итак, все происходит «в порядке по воле Божьей» (42). Этим словами и выражениями святой Климент подчеркивает, что структура Церкви — сакраментального, а не политического свойства. Действие Бога, выходящего нам навстречу в литургии, предваряет наши решения и наши идеи. Церковь — это прежде всего дар Божий, а не дело наших рук, и эта ее сакраментальная структура гарантирует не только общее устройство, но и приоритетное значение Божьего дара, в котором все мы нуждаемся.

Завершающая «великая молитва» придает предшествующим рассуждениям поистине вселенское дыхание. Климент восхваляет Бога и благодарит его за чудесное и полное любви провидение, которым он сотворил мир и продолжает спасать и освящать его. Особое значение имеет молитва за власть предержавших. После текстов Нового Завета оно являет собой самую древнюю молитву за политические институты. Испытав преследования, христиане, вполне сознавая, что они будут продолжены, не перестают молиться за тех управителей, которые их несправедливо осудили. Причина тому прежде всего христологического свойства: необходимо молиться за преследователей, как это сделал Иисус на кресте. Но эта молитва содержит также наставление, которое на протяжении веков направляет поведение христиан в отношении политики и государства. Молясь за власти, Климент признает легитимность политических институтов в устроенном Богом миропорядке; в то же время он выражает заботу о том, чтобы власти были послушны Богу и «благочестиво, в мире и кротости, осуществляли данную им Богом власть» (61:2). Кесарь — это еще не всё. Грядет новая власть, происхождение

и существо которой не от этого мира, а «свыше»: власть Истины, которая перед лицом власти государственной настаивает на своем праве быть услышанной.

Таким образом, послание Климента рассматривает целый ряд вопросов, не утративших свою актуальность. Его значение тем более велико, что, начиная с первого века, оно стало свидетельством заботы Римской церкви, возглавляющей в любви все другие Церкви. Тем же Духом произнесем и мы прошения этой «великой молитвы», в которой епископ Рима возглашает от имени всего мира: «Ей, Господи, яви Лице Твое нам во благе мира; охрани нас своей сильной рукой... Возносим Тебе благодарение через Первосвященника и Предстателя душ наших Иисуса Христа, которым Тебе слава и величие ныне, и в род и род, и во веки веков. Аминь» (60–61).

*Общая аудиенция,
7 марта 2007,
зал Павла VI*

ГЛАВА 2

Святой Игнатий Антиохийский

Дорогие братья и сестры!

В новом катехизическом цикле, который мы только что начали, нам предстоит познакомиться с ключевыми фигурами юной Церкви. На прошлой неделе мы говорили о папе Клименте I, третьем преемнике святого Петра. Сегодня мы остановимся на личности святого Игнатия, который был третьим епископом Антиохии в период с 70 по 107 год, вплоть до своей мученической кончины. В то время Рим, Александрия и Антиохия составляли три крупнейшие метрополии Римской империи. Никейский Собор говорит о трех «приматах»: о римском в первую очередь, но рядом были Александрия и Антиохия, которые также гордились своим «приматом». Как мы уже сказали, святой Игнатий был епископом Антиохии — города, который сегодня расположен в Турции.

Здесь, в Антиохии, как мы знаем из Деяний Апостолов, выросла замечательная христианская община: первым ее епископом был апостол Петр, — так утверждает традиция, — и здесь же «ученики в первый раз стали называться христианами» (Деян 11:26). Евсевий Кесарийский, историк IV века, посвящает жизни и литературной деятельности Игнатия отдельную главу в своей *Церковной истории* (3:36). В ней мы читаем: «Он был отправлен из Сирии в Рим и отдан на съедение зверям за исповедание Христа. Проходя по Азии под надзором строжайшей охраны [в своем *Послании к Римлянам* 5:11 сам он пишет, что это были „десять леопардов“], он в городах на остановках укреплял верующих беседой и уве-

щаниями, уговаривал прежде всего беречься ересей, тогда только что явившихся на свет Божий, и убеждал крепко держаться апостольского предания» (3:36,3–4). Первый этап путешествия Игнатия навстречу мученичеству пролегал через город Смирну, где епископом был святой Поликарп, ученик святого Иоанна. Здесь Игнатий написал четыре письма: к Церквам в Эфесе, Магнезии, Траллии и Риме. Евсевий продолжает: «Находясь уже за пределами Сирии, он писал из Троицы жителям Филадельфии и в Смирну», и отдельное послание епископу Поликарпу. Тем самым Евсевий завершает перечисление посланий, которые дошли до нас как ценнейшее сокровище. Читая эти тексты, чувствуешь свежесть веры поколения, которое еще знало апостолов. Также в этих письмах ощущается пламенная любовь святого человека. Из Троицы мученик наконец был переправлен в Рим, где в амфитеатре Флавия был брошен в пищу диким зверям.

Ни один отец Церкви не выражал столь интенсивно жажду соединения с Христом и жизни в Нем, как это сделал Игнатий. Поэтому мы вначале прочли евангельский фрагмент о винограднике, который, согласно Евангелию от Иоанна, есть сам Иисус. На самом деле в Игнатии сливаются два духовных «течения»: идущее от Павла, полностью нацеленное на единение с Христом, и идущее от Иоанна, сосредоточенное на жизни в Нем. Оба этих течения, в свою очередь, преобразуются в подражание Христу, многократно названному Игнатием «моим» и «нашим Богом». Поэтому Игнатий умоляет христиан Рима не препятствовать его мученичеству, ведь он не может дожидаться момента «соединения с Христом». Он объясняет: «Лучше мне умереть за Иисуса Христа, нежели царствовать над всей землею... Его ищу, за нас умершего, Его желаю, за нас воскресшего... Дайте мне быть подражателем страданий Бога моего!» (Рим. 5–6). В этих выражениях пламенной любви можно заметить выдающийся христологический «реализм», характерный для антиохийской Церкви, более других внимательной к факту воплощения Сына Божьего и к Его истинной и конкрет-

ной человеческой природе: Иисус Христос, пишет Игнатий смирянам, «истинно из рода Давидова», «истинно родился от Девы», «истинно распят был за нас плотию» (*Смирн.* 1:1).

Это непреодолимое устремление Игнатия к единению со Христом творит подлинную «мистику единства». Сам он называет себя «человеком, предназначенным к единению» (*Филад.* 8:1). Для Игнатия единство — это прежде всего прерогатива Бога, который, пребывая в трех ипостасях, совершенным образом един. Он часто повторяет, что Бог есть единство и что только в Боге оно присутствует в чистом и первоначальном виде. Единство, осуществить которое на земле призваны христиане, есть не что иное, как подражание, как можно более близкое божественному архетипу. Таким образом, Игнатий приходит к такому видению Церкви, которое во многом близко к определениям из *Послания к Коринфянам* Климента Римского. «Посему и вам, — пишет он, к примеру, христианам Эфеса, — надлежит согласоваться с мыслью епископа, что вы и делаете. И ваше знаменитое достойное Бога пресвитерство так согласно с епископом, как струны в цитре. Оттого вашим единомыслием и согласно любовью прославляется Иисус Христос. Составляйте же из себя вы все до одного хор, чтобы, согласно настроенные в единомыслии, дружно начавши песнь Богу, вы единогласно пели ее» (*Эфес.* 4:1–2). Порекомендовав же смирянам: «без епископа никто не делай ничего, относящегося до Церкви» (*Смирн.* 8:1), он признается Поликарпу: «Я — жертва за тех, которые повинуются епископу, пресвитерам и дьяконам. И пусть часть моя в Боге будет одинаковая с ними. Вместе подвизайтесь, вместе совершайте путь свой, вместе терпите, вместе успокаивайтесь, вместе вставайте, как Божьи домостроители и домочадцы и слуги. Благо угождайте Тому, для Кого воинствуете вы, от кого получаете и содержание. Пусть никто из вас не будет перебежчиком. Крещение пусть остается с вами, как щит; вера — как шлем; любовь — как копьё; терпение — как полное вооружение» (*Полик.* 6:1–2).

Рассматривая *Послания Игнатия* в комплексе, можно увидеть в них постоянную и плодотворную диалектику двух характерных аспектов христианской жизни: с одной стороны, иерархической структуры церковной общины, с другой — основополагающего единства, связывающего между собой всех верующих во Христа. Поэтому не следует противопоставлять друг другу эти роли. Напротив, единство верных между собой и с пастырями настоятельно подчеркивается и неустанно формулируется в ярких и красноречивых образах и аналогиях: цитра, струны, единогласное пение, симфония. Несомненно, особая ответственность за созидание общин лежит на епископах, пресвитерах и диаконах. К ним прежде всего обращено увещание жить в любви и единстве. «Будьте одно, — пишет Игнатий магнезийцам, повторяя молитву Иисуса, произнесенную на Тайной вечере: одна молитва, одно прошение, один ум, одна надежда в любви и в радости непорочной... Поэтому все вы составляйте из себя как бы один храм Божий, как бы один жертвенник, как бы одного Иисуса Христа, который исшел от Единого Отца и в Едином пребывает, и к Нему Единому отошел» (*Магн.* 7:1–2). Игнатий первым в христианской литературе присваивает Церкви титул «кафолическая», т. е. «вселенская»: «Где Иисус Христос, там и кафолическая церковь», — утверждает он (*Смирн.* 8, 2). Именно в служении единству вселенской Церкви римская христианская община осуществляет своеобразный примат любви: «церкви, председательствующей в столице области римской, богодостойной, достославной, достоблаженной... первенствующей в любви, Христоименной, Отцеименной» (*Рим.*, пролог).

Как мы видим, Игнатий воистину «учитель единства»: единства Бога и Христа (в противовес уже появившимся многочисленным ересям, которые разделяли Бога и человека во Христе), единства Церкви, единства верных «в вере и любви коих нет ничего выше» (*Смирн.* 6:1). «Реализм» Игнатия призывает вчерашних и сегодняшних верующих, всех нас ко все более полному синтезу между уподоблением Хри-

сту (единством с Ним, жизнью в Нем) и преданностью Церкви (единством с епископом, щедрым служением общине и миру). Одним словом, речь идет о достижении синтеза между единством внутри Церкви и миссией проповеди Евангелия другим, чтобы в результате через одно из измерений проглядывало другое, а верные все больше имели «неразделенный дух, который есть Иисус Христос» (*Магн.* 15).

Испрашивая у Господа эту «благодать единства» и пребывая в убеждении о нашем первенстве любви перед всей Церковью (см. *Рим.*, пролог), обращаюсь к вам с тем же приветствием, которым Игнатий завершает свое Послание к христианам в Траллии: «Все любите друг друга нераздельным сердцем. Мой дух отдается в жертву за вас, и не только теперь, но и тогда, когда я приду к Богу... дабы [в Иисусе Христе] вы могли предстать непорочными» (*Тралл.* 13). Помолимся, чтобы Господь помог нам достичь этого единства и наконец обрести непорочность, поскольку любовь очищает души.

*Общая аудиенция,
14 марта 2007,
площадь Св.Петра*